

models of behavior, as well as differences in the forms of communication between government and business in different sectors of Russian economy. Paper shows that key problems faced by firms in 2020 were emerged before the pandemic. During the crisis better performance was demonstrated by firms which before made significant investment in technological development and used digital technologies. Broad application of distant employment model in 2020 led to aggressive HR policy of large firms from Moscow and St.Petersburg in regional markets and increased competition for high-qualified workers. Sectoral associations played important role as representative of collective interests of business in negotiations with authorities. In the conclusion paper discusses the challenges for business and state in the post-crisis development.

Keywords: *COVID-19 pandemic, economic crisis, anti-crisis measures, industrial regulation.*

JEL Classification: L16, L22, L52, H12.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-10

М.Н. Глухова
РСПП, Москва

Журнал НЭА,
№4 (52), 2021,
с. 235–239

Влияние пандемии на взаимодействие бизнеса и власти: взгляд бизнеса

Аннотация. Рассматривается влияние пандемии COVID-19 на деловой климат и деятельность компаний–членов РСПП. На основе опроса 480 компаний (как российских, так и иностранных, работающих в стране) проанализированы изменения во взаимодействии бизнеса и власти, регуляторике, а также риски и возможности, с которыми столкнулись компании в условиях кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции. Выявлен высокий спрос на системные, в том числе административные, меры поддержки по сравнению с финансовыми со стороны бизнеса в период пандемии. Проанализирована специфика проблем субъектов малого предпринимательства. Рассмотрены кейсы трансформации лучших практик компаний в законодательные новеллы, в частности на примере трудового законодательства. Представлены изменения в подходах отдельных органов власти к предоставлению поддержки и коммуникации с предпринимательским сообществом, как негативные, так и позитивные практики. Проанализирована ситуация с цифровизацией взаимодействия бизнеса и власти, в том числе риски недостаточного перевода такого взаимодействия в электронный формат. Выявлены проблемы, с которыми сталкиваются компании при получении поддержки, включая избыточные требования и условия предоставления поддержки, сложную систему отчетности и узость сферы получателей поддержки.

Ключевые слова: *пандемия COVID-19, деловой климат, регулирование, взаимодействие власти с бизнесом.*

Классификация JEL: H12, L16, E32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-11

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) активно участвовал в реализации нескольких проектов, посвященных оценке влияния пандемии COVID-19 на деловой климат, как проводимых исключительно на площадке РСПП, так и в партнерстве с другими организациями, включая проект «Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие», осу-

ществленный совместно с НИУ ВШЭ (Оценка влияния... 2021).

Данная статья опирается на результаты двух опросов, проведенных РСПП:

- опрос РСПП и ТПП РФ в июле 2020 г. о мерах поддержки российской экономики во время пандемии, в котором приняли участие 337 респондентов из всех федеральных округов¹. Доля промышленных компаний составила 36,5%; 20% составляет строительный сектор;

¹ Опрос РСПП «О мерах поддержки российской экономики во время пандемии. Часть I. Меры в фискальной сфере» (см. <https://www.rspp.ru/activity/analytics/o-merakh-podderzhki-rossiyskoy-ekonomiki-vo-vremya-pandemii-chasti-i-mer-v-fiskalnoy-sfereI/#page2>).

16% респондентов были заняты в финансах и страховании; 11,3% – в торговле. Отрасль «Деятельность профессиональная, научная и техническая» указали 5,6% участников опроса. К добывающему и энергетическому сектору относились 4,7% организаций;

• опрос компаний–членов РСПП в декабре 2020 – январе 2021 г. о состоянии деловой среды, в котором приняли участие 480 респондентов². Большинство респондентов (около 52%) представляли сектор «Промышленность» и 7% – «Энергетика»; 10% – «Строительство»; 14,9% – «Деятельность профессиональная, научная, техническая»; 7,5% – «Торговля». На компании из сектора «Транспортировка и хранение», «Сельское хозяйство», «Добыча полезных ископаемых» пришлось порядка 5% респондентов.

Результаты исследований оказались крайне востребованы органами власти, деловыми объединениями и компаниями. С одной стороны, они позволили выявить специфику и особенности кризисной ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, в отдельных секторах и компаниях, с другой стороны, они сформировали эффективный задел для подготовки стратегических документов и внесения корректировок в реализуемую промышленную и инвестиционную политику.

При этом результаты были как позитивными (готовность органов власти заняться застарелыми системными проблемами), так и негативными (качество коммуникаций между бизнесом и властью серьезно различалось, в ряде случаев невозможность донести точку зрения предпринимателей до профильного федерального ведомства серьезно усугубляла и без того непростую ситуацию).

Интересны оценки эффективности государственной поддержки в условиях кризиса. Высокие оценки получили системные (и во многом административные) меры, например, в рамках опроса РСПП и ТПП продление срока предоставления ответа на запросы

налоговых органов оценили как эффективную 70,9% опрошенных компаний, тогда как многие финансовые меры поддержки были восприняты довольно скептически либо просто оказались невостребованными.

1. Взаимодействие бизнеса и власти: что изменилось

Наблюдались две разнонаправленные тенденции, что не было характерно для предыдущих кризисных периодов. С одной стороны, традиционные системные проблемы, как это было и раньше, обострились. Это, в частности, подтвердил ежегодный опрос РСПП о состоянии деловой среды – возрос уровень озабоченности бизнеса нехваткой кадров требуемого уровня квалификации, как и наличием коррупции. С другой стороны, наоборот, наблюдались многочисленные кейсы, когда государство достаточно оперативно расширило давно существующие узкие места. Например, сдвинулась с мертвой точки работа по модернизации крайне неэффективного и устаревшего регулирования промышленного строительства.

Важный (и крайне позитивный) факт – лучшие практики бизнеса начали трансформироваться в законодательные нормы, например в части дистанционной занятости. В Трудовом кодексе РФ был серьезно переписан блок по удаленной работе, появилась комбинированная форма занятости. Последняя активно применялась бизнесом с начала кризиса, но при этом она не была предусмотрена никакими нормативными документами. Сейчас эта форма легализована, и бизнес продолжает ее активно использовать.

Нельзя не отметить отличающееся качество коммуникаций с органами власти как по секторам, так и исходя из размеров компании. Как показал кризис, не все органы власти оказались эффективными. В одних случаях мы видели комплексную и быструю реакцию, например Минпромторга России, который оперативно запустил дополнительные меры поддержки бизнеса. Правда, это министерство

² Доклад РСПП о состоянии делового климата в 2020 году. (см. <https://media.rspp.ru/document/1/0/a/0a140bd76442296880d5190932d0bf73.pdf>).

уже располагало эффективным набором институтов и инструментов поддержки, которые требовалось лишь донастроить. В частности, через Фонд развития промышленности была запущена специальная программа для фармацевтической промышленности, производителей медицинских изделий и медтехники (программа «Противодействие эпидемическим заболеваниям»), которая во много поддержала развитие сектора и обеспечила быстрый запуск и увеличение производства средств индивидуальной защиты, лекарств, аппаратов ИВЛ и т.д.

Минпромторг также оказался готов точно решать проблемы компаний, которые возникали в регионах из-за избыточных ограничений. Регионы вроде бы и ориентировали на лучшие практики, но при этом нередко у компаний возникали серьезные проблемы из-за несогласованности принимаемых решений, когда промышленные компании имели возможность продолжать работу, но весь складской и логистический комплекс подпадал под ограничения либо останавливалась работа ключевого поставщика комплектующих для всей отрасли.

В других случаях мы видели обратную ситуацию – эффективного партнера со стороны власти не было, взаимодействовать с компаниями (вне зависимости от их размера) ни по системным, ни по точечным запросам государственные органы были не готовы. Хотя системообразующие компании не всегда имели возможность транслировать свое мнение государству, чаще с этим сталкивались представители малого и среднего бизнеса.

При этом более высокий уровень проблем взаимодействия с государством для субъектов МСП характерен не только для периода кризиса – малый бизнес чаще отмечает наличие административных барьеров, жалуется на низкое качество государственного управления, низкую эффективность судебной системы (в соответствии с итогами опроса РСПП, малый бизнес говорит о наличии таких ограничений развития в два раза чаще, чем крупный).

Ограничителем не только развития бизнеса, но и ведения нормальной деятельности (особенно в условиях пандемии) стал разрыв

в уровне цифровизации: только у трети компаний, опрошенных РСПП в начале 2021 г., отношения с поставщиками, органами власти и потребителями были переведены в цифровой формат на 50% и больше. Проникновение цифровых технологий в кадровой сфере было еще хуже. В результате лишь часть компаний смогла полноценно перейти на работу в удаленном формате или в формате ограничения прямого взаимодействия. Интересно, что одним из немногих органов власти, кто смог максимально полноценно перейти в цифровой формат взаимодействия с бизнесом, стала Федеральная налоговая служба. Раннее начало цифровизации работы позволило ФНС в самые острые периоды кризиса функционировать практически без потерь качества.

Так что те, кто активно инвестировал в цифровизацию еще до пандемии (и компании, и органы власти), получили существенный бонус в период активной фазы введения ограничений из-за COVID-19 за счет сохранения и расширения деятельности, не говоря о благоприятных возможностях для более быстрого развития в дальнейшем.

2. Государственная поддержка: стимул развития или «черная метка»

Можно отметить, что государственная поддержка в разных секторах воспринимается по-разному (это показал и проект ВШЭ–РСПП, и опросы РСПП). В одних случаях она характеризуется компаниями как крайне токсичная и нежелательная, как в принципе и любые финансовые взаимоотношения с государством, за исключением, естественно, уплаты налогов. Для других секторов государственная поддержка – это рабочая ситуация с прогнозируемым и абсолютно понятным уровнем риска, в этих отраслях компании достаточно охотно используют государственную поддержку для реализации масштабных инвестиционных проектов.

Но вне зависимости от сектора и оценки эффективности поддержки в целом компании предъявляют примерно одни и те же претензии – сложность (и даже невозможность) выполнения условий программы поддержки,

предъявление банками дополнительных требований, не предусмотренных государственными программами, избыточно сложная процедура отчетности по полученной поддержке (причем это не только пугает тех, кто поддержку получил, но и становится причиной, чтобы не претендовать на поддержку в принципе), пробелы в перечнях видов экономической деятельности или категориях компаний, не позволяющие претендовать на поддержку фирмам, которые по смыслу должны были иметь к ней доступ.

Еще одна значимая проблема – нехватка инструментов поддержки для среднего бизнеса, который не подходил под формальные критерии субъекта МСП, но был недостаточно велик, чтобы претендовать на статус системообразующих предприятий. К сожалению, этот слой устойчивого среднего бизнеса оказался в наихудшем положении, поскольку он – единственный, кто практически не мог претендовать ни на какую поддержку, кроме наиболее универсальных мер.

Меры поддержки смогли отчасти компенсировать непростую ситуацию в заемных средствах, хотя и здесь есть особенности, включая проблемы с диспропорцией стоимости заемных средств. Опрос РСПП показал, что если крупный бизнес по итогам года говорил о существенном снижении стоимости заемных средств, то малый бизнес это заметил в намного меньшей степени. Так, 57,5% малых фирм заявили, что рассчитывают на ставку по кредиту, превышающую 12%. Среди представителей крупного бизнеса менее 10% согласились с этим утверждением. За год в этой группе более чем в два раза увеличилась доля предприятий, уверенных, что смогут получить заемные средства по ставке до 8%.

Несмотря на серьезные проблемы и вызовы, с которыми пришлось столкнуться компаниям, бизнес, который был в наибольшей степени готов к трансформации, еще до кризиса активно внедрял инновации и цифровые технологии, реализовывал масштабные инве-

стиционные проекты, оказался в лучшем положении, чем те компании, которые этим не занимались.

Эта активная часть российского бизнеса по итогам кризиса планирует улучшить свое положение на внутреннем рынке и выйти на внешние рынки, выпустить новую продукцию. Таких активистов среди компаний, опрошенных РСПП, было 30%, и это самый позитивный итог кризиса: треть компаний готовы к тому, чтобы сделать рывок.

Исследования поведения предприятий, проводившиеся в условиях кризиса, выполнили свою главную функцию – они показали запросы со стороны бизнеса и позволили наметить контуры решения системных задач развития экономики страны. Российский союз промышленников и предпринимателей активно использует результаты этих исследований при формировании предложений по улучшению предпринимательского климата и повышению конкурентоспособности российского бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Симачев Ю.В., Акиндинова Н.В., Глухова М.Н.** и др. (2021). Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие. Доклад к XXII Апрельской международной научной конференции ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. Москва, 13–30 апреля 2021 г. Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [**Simachev Yu.V., Akindinova N.V., Glukhova M.N.** et al. (2021). Assessing the impact of the COVID-19 pandemic-related crisis on the sectors of Russian economy and their post-crisis development. XXII HSE April International Academic Conference on Economic and Social Development Report. Moscow, April 13–30, 2021. Ed. by Yu.V. Simachev. M: HSE Publishing House (in Russian).]

Поступила в редакцию 17.09.2021

Received 17.09.2021